

МАЙ 1968 ГОДА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛВЕКА СПУСТЯ

АНАНЬЕВ Борис Игоревич – преподаватель кафедры политической теории МГИМО Университет МИД России, Москва, Россия (ananeyvboris92@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена волнениям 1968 г. в Париже, в ходе которых массовая забастовка, начатая радикально настроенными студенческими группировками, была поддержана рабочими организациями и в итоге привела к отставке Шарля де Голля. Что стало причиной быстрой консолидации политически разнородных студенческого и рабочего движений Франции? Достижима ли абсолютная субъектность, и каковы ее возможные последствия? Автор фокусируется на интерпретации природы и последствий протестов. Делается вывод о том, что полемика вокруг событий 1968 г. может вестись в русле более широкой дискуссии относительно агент-структурных отношений в социально-политической действительности. А актуальные тенденции в развитии политической мысли позволяют вписать парижские протесты в более широкий теоретический контекст.

Ключевые слова: политическая социология • агент-структурные отношения • социальная философия • новые левые • «Красный май» 1968 г.

DOI: 10.31857/S013216250007095-7

2018 г. ознаменован 50-летним юбилеем майских протестов 1968 г., когда на парижские площади и улицы вышли студенты. За прошедшие полвека Франция столкнулась с всеобщей забастовкой 1995 г., стоившей стране порядка 0,2–0,3% ВВП¹ и кресла премьера Алену Жюппе; массовыми беспорядками 2005 г., приведшими к введению чрезвычайного положения; манифестациями против легализации однополых браков 2013 г., которые инициировали масштабную дискуссию о фундаментальных основах общественного устройства; забастовками 2016 и 2017 гг., объединившими более миллиона рабочих, и, наконец, протестами «желтых жилетов» 2018–2019 гг., вынудившими правительство Макрона подписать полугодовой мораторий на повышение цен на топливо. Однако май 1968 г. вошел в историю как вестник тектонических социальных сдвигов, на десятилетия вперед определивших не только характер отношений власти и общества во Франции, но и политический ландшафт Европы, США, Азии и Латинской Америки, а также развитие социально-гуманитарных дисциплин и направлений научного поиска. Воспетые оскароносным Б. Бертолуччи «мечтатели» сумели не просто изменить французское общество, но и заставили выдающихся мыслителей говорить о себе и спорить о том, что объединило крайне разнородные политические силы Франции под лозунгом «Запрещать запрещается».

Задав тон внутривнутриполитической повестки страны, студенческие демонстрации поляризовали интеллектуальную элиту. Практически никто не остался в стороне: от скептического Ж. Лакана, для которого протестующие предстали в виде «неврастеников, требующих себе нового хозяина» [Жижек, 2008], до симпатизировавшего М. Фуко, увидевшего в студентах «самую революцию»²; от Р. Арона, назвавшего забастовки «скорее биологическим, чем

¹Массовые протесты во Франции с 1968 года. История, требования, ущерб. URL: <https://tass.ru/info/5890562> (дата обращения: 06.01.2019).

²«Они не делают революцию – они и есть революция», – высказался в отношении протестующих М. Фуко. Цит. по: Наранович С. Великое заточение. О безумии: в классическую эпоху и в жизни Мишеля Фуко // Горький Медиа. URL: <https://gorky.media/context/velikoe-zatochenie/> (дата обращения: 02.08.2018).

социальным феноменом», проявлением «вражды поколений» [Посконин, 1982: 88], а также «эмоциональным и моральным бунтом, который нельзя положить в основу политической программы», «коллективным сумасшествием» и «психодрамой» (цит. по [Сидоров, 2006: 68]) до Ж.-П. Сартра, публично поддержавшего студентов³ и заявившего в адрес Арона: «Тот факт, что этот профессор, умный, образованный, так оценил Май 68-го, доказывает ограниченность его ума и его знаний – он так и не понял того, что происходило» [там же: 68].

Безусловно, чувство причастности к истории и ощущение собственной субъектности определили характер протеста, прошедшего под девизом отказа от всепроникающей неизбежности либерального капитализма. Об этой внутренней установке неоднократно говорил один из лидеров студенческого движения, позднее пришедший в большую политику (в Европарламент) сразу двух европейских грандов – Франции и Германии – Даниэль Кон-Бендит: «В то время мы, молодые, хотели быть хозяевами своего будущего. Мы возмущались “оставшейся” частью общества: мы не хотим вашей морали, вашего образа жизни! Позвольте нам действовать, мы хотим быть ответственными. <...> Мы чувствовали, что свобода должна быть завоевана»⁴. Показательно его отношение к обозначенному выше распространенному мнению о том, майские события можно считать революционными по своей природе. «Нет, мы были бунтовщиками», – отвечает Кон-Бендит, добавляя: «Революционер – это тот, кто хочет взять власть, но это был не наш случай. Мы бунтовали против общества, мы хотели привести его в движение» [там же, 2013]. Вместе с тем стихийное появление и массовая популярность политических движений, вошедших в историю под собирательным названием «новые левые»⁵, которые разрослись из близкой к субкультуре идейной общности до вполне осязаемой и реальной политической силы, связанной, в том числе, с леворадикальным терроризмом 1970-х гг., даже если принять точку зрения Р. Арона, говорит в пользу того, что протесты были услышаны. Услышаны настолько, что с этого момента социальные установки тяготеющей к «новым левым» молодежи «формулировались столь глобальным, столь “космическим” образом, что становилось очевидным: цели и устремления эти метафизические (и, так сказать, сверхсоциальные)» [Давыдов, Роднянская, 1980: 6].

Неудивительно и то, что для участников и современников Красного мая (особенно в интеллектуальной среде) случившееся предстало не только, и, возможно, даже не столько как «здесь и сейчас», но и как «что будет дальше?» Эйфория момента – каким бы знаковым он не был – прошла, за ней пришло неизбежное осмысление.

Зачастую о майских событиях говорят в контексте исторического развития и противоречий капитализма, сводя проблему к ее механистической интерпретации. Так, Клэр Доил, рассуждая в терминах классовой борьбы, отмечает парадокс «обуржуазивания» национального пролетариата⁶, который в дальнейшем разрешает, акцентируя внимание на искусственное занижение доли рабочих во французском обществе и их протестного потенциала⁷. Однако такой ход мысли по большому счету не ставит вопрос о сущности слу-

³ Помимо Сартра студентов поддержали Симона де Бовуар, Натали Саррот, Франсуаза Саган, Андре Горц, Франсуа Мориак и другие представители французской интеллигенции.

⁴ Колесников А., Нива А. Лидер мая-1968 Даниэль Кон-Бендит: «Мы чувствовали, что свобода должна быть завоевана» // Новая газета. 2013. 18 мая.

⁵ Расслоение левого движения считают одним из наиболее знаковых последствий событий 1968 г. с точки зрения политической практики; при этом формальной зависимости между волнениями во Франции и становлением движения «новых левых» не существует в силу фрагментированности и неконсолидированности последнего. Вместе с тем влияние идей Красного мая на «новых левых» очевидно.

⁶ В этот период наблюдался стабильный рост реальных доходов на уровне 5% в год. Кроме того, в течение 10 лет удвоилось число автовладельцев, более 1 000 000 граждан Франции приобрели загородную недвижимость [Доил, 1993].

⁷ Доил обращает внимание на диспропорции социальной структуры Франции, связывая это с умышленной политикой по сдерживанию склонного к протестной активности рабочего класса. Следствием стала ситуация, при которой в 1968 г. 50% населения Франции проживала в поселках с численностью менее 2000 чел. Прежде всего, это были представители крестьянства – политические

чившегося, скорее подталкивая к его синтетическому восприятию. Вместе с тем в связи с ситуацией 1968 г. можно вести речь о разрыве коммуникации между властью и обществом, когда, с одной стороны, на страницах *Le Monde* появляется знаковая статья «Когда Франция скучает», призывающая «противостоять абсурду»⁸ в условиях, когда «телевидение повторяет нам, по крайней мере, три раза каждый вечер, что Франция впервые за почти тридцать лет находится в состоянии мира и не вовлечена в какие-либо международные катаклизмы» [там же], с другой – говоря о ситуации в Париже в статике, 78-летний де Голль обоснованно замечал: «Они заявляют, что бастуют, но ведь они – не производители... Это трагикомедия, взрыв общества изобилия... На самом деле они хотят только наслаждаться, прожигать жизнь и сеять хаос» (цит. по: [Арзаканян, 2012: 143]). Сказанное выше, прежде всего, описывает не рабочую, а студенческую и околостуденческую среду⁹, однако вполне уместно для общих рассуждений, поскольку «главная их [альтернативных движений. – Прим. авт.] особенность заключается в том, что они имеют преимущественно мелкобуржуазную основу и развиваются вне традиционного рабочего движения, вне традиционных организаций, политических партий и профсоюзов» [Худавердян, 1986: 29].

Тем не менее 6 мая нечто заставило рабочих (принципиально другую социально-политическую силу) присоединиться к студентам, положив начало 10-миллионной забастовке. Значит ли это, что лозунги солидарности необходимо воспринимать как сугубо искусственную необходимость и, возможно, не самый желанный, но наиболее подходящий компромисс, который рабочее движение сумело найти в связи с представившейся возможностью выплеснуть свой аморфный протестный потенциал? На первый взгляд, вполне убедительное объяснение единодушия бастующих можно встретить у Маркузе, который за четыре года до майских событий отмечал: «Машинный процесс в технологическом университете разрушает внутреннюю личную свободу и объединяет сексуальность и труд в бессознательный, ритмический автоматизм – процесс, соответствующий процессу уподобления профессий» [Маркузе, 1994: 36]. Эта мысль показательна, поскольку значительная часть общественников склонна осмыслять парижские баррикады, привлекая – помимо социологического аппарата – инструментарий социальной философии, в результате чего к протесту как совокупности социально-экономических факторов добавляется протест как причудливая смесь либидо, девиации, табу и пограничных состояний. Особое место в этой конвергенции занимает рефлексия майских событий в продукции культуры, поскольку, по меткому выражению, «культурная революция вообще ориентирована на победу не в политэкономике, но в интерпретации действительности»¹⁰.

Взгляд на отражение опыта 1968 г. в искусстве вызывает явное ощущение тотальной телесности, проникающей непосредственно в сами названия продуктов культуры («Украденные поцелуи» Франсуа Трюффо, «Постоянные любовники» Филиппа Гарелля). Вместе с тем природа этой телесности не столь очевидна. Операторская работа и акценты при постановке кадра говорят о бережном обращении с красотой и естественностью тела (прежде всего, женского), и в этом смысле увиденное в большей степени похоже

антагонисты рабочего класса. Лишь 28% рабочей силы было занято в промышленности (в Германии и Англии – 35%). Показатели производительности труда в стране не составляли даже 50% от средних по Западной Европе. Вместе с тем «за 20 лет Франция продемонстрировала самое стремительное на Западе сокращение доли населения, занятого в сельском хозяйстве – с 35% в 1945 г. до 17% к середине 1960-х» [там же].

⁸Viansson-Ponté P. Quand la France s'ennuie... // *Le Monde*. 2008. 30 avril. URL: https://www.lemonde.fr/le-monde-2/article/2008/04/30/quand-la-france-s-ennuie_1036662_1004868.html (дата обращения: 06.01.2019).

⁹Рассуждая о студенческих волнениях 1968 г., Жан-Поль Сартр в качестве непосредственных причин протеста называл селективное образование, отвлеченные учебные программы, а также реформу Фуре, которая ставила задачу преобразовать высшую школу в интересах крупнейших корпораций и монополий.

¹⁰Рубцов А. Ничто, изменившее все. Мировая революция 1968 года в четырех измерениях // Новая газета. 2018. 20 мая.

на полотна Возрождения, чем на агрессивную экспансию сексуальной революции. Поэтому велик соблазн говорить о Красном мае в терминах, отличных от Бодрийярского понимания места тела в обществе потребления: «Его вездесущность в рекламе, моде, массовой культуре <...>, гигиенический, диетический, терапевтический культ, которым его окружают, навязчивость молодости, эlegantности, мужественности или женственности, ухода, режимов, жертвенных занятий, которые с ним связаны, <...> свидетельствует, что тело стало объектом спасения» [Бодрийяр, 2006: 114].

Прибавим к этому существенный для Бертолуччи мотив заигрывания с пограничными и табуированными состояниями (прежде всего, инцестом), и получим, на первый взгляд, рабочий рецепт опыта-предела (подробнее см.: [Миллер, 2012]) – прививки от «комфортабельной, покойной, умеренной, демократической несвободы» [Маркузе, 1994: 6].

Однако при этом было бы самонадеянностью смотреть на майские события сугубо сквозь призму девиза «Структуры не выходят на улицы». «Не думаю, что есть какие-то основания писать, что структуры не выходят на улицы, ибо если события мая что-то доказывают, так это как раз выход структур на улицу» (цит. по: [Дьяков, 2010: 291]), – заметил в беседе с М. Фуко упомянутый Лакан, апеллируя к вопросу о природе структурализма.

Если принять лакановский тезис о том, что те, кто идет на баррикады и есть структуры, то как в таком случае реализуют себя условные «неструктуры»? Проще говоря, является ли брошенный опьяненным безнаказанностью, вином и ощущением молодости студентом в окно полицейской машины камень достаточно веским основанием говорить: в 1968 г. мир увидел подлинного человека-агента? Можно ли воспринимать отставку де Голля как победу (пусть одновременную, но от этого не менее убедительную) над отлаженной системой воспроизводства несвободы, или баррикады Парижа – не более чем самый неудачный сценарий заката политической карьеры некогда блестящего генерала? Размышляя над этим вопросом, парижские демонстрации можно интерпретировать двумя принципиально разными способами.

В первом варианте протест – исключительно манифестация самих себя в качестве структур, которые либо в некоем невротическом состоянии требуют внимания и признания собственной субъектности, либо нуждаются в пересмотре общих правил игры и нового места в них для себя в качестве тех же структур (формула «40–60–1000» говорит об этом красноречивее большинства лозунгов¹¹). В таком случае закономерным и, по сути, ожидаемым результатом произошедшего в мае стало пришествие «постмодернистского “доброего” хозяина, власть которого чем сильнее, тем незаметнее» [Жижек, 2008], а протестный потенциал предстал как «умеренный гедонизм, просто вписанный в нашу гегемоническую идеологию, находящуюся под эгидой суперэго» [Жижек, 2011: 61].

Действительно, в некотором смысле парижские события напоминают описанный Фрейдом первобытный ритуал временного избавления от гнетущего ощущения собственного заточения в клетке социально-допустимого поведения. Подобный ритуал, как известно, сопровождается всесторонним выходом за грань приемлемого; табуированные практики становятся дозволенными здесь и сейчас, возвращая человека в состояние чистой субъектности. Тем не менее это действие по природе своей театрализовано, срежиссировано и управляемо (несколько опередившая майские события широко известная работа Ги Дебора «общество спектакля» – очень удачная метафорическая реинкарнация фрейдистских представлений), что означает принципиальную невозможность использовать его для слома устоявшейся системы социальных практик. Иными словами, табу осознанно нарушаются только для того, чтобы и впредь остаться табу. В этом смысле полемический вопрос С. Жижека: «Неужели переход к следующему этапу эволюции “духа капитализма” – это единственное содержание событий 1968 года?» [Жижек, 2008] может претендовать на статус одного из ключевых в дискуссии.

¹¹ Речь идет об экономической составляющей требований протестующих: 40-часовая рабочая неделя, выход на пенсию в 60 лет, минимальный оклад в 1000 франков.

Развивая эту линию, стоит обратить внимание на отнюдь не новый, но показательный момент. Научное сообщество неоднократно задавалось вопросом, имеет ли в конечном счете смысл идти по пути прямого противопоставления структур и «неструктур» в современной социально-политической действительности? Ответ можно искать как в области собирательного постмодерна, то есть, например, встать на путь сложного и кропотливого «перехода на сторону объекта» [Бодрийяр, 2017: 162], так и опираясь на традиционно сильные в осмыслении общественных процессов школы, в частности, социальный конструктивизм. В этой связи упомяну заслуживающее внимание отечественное осмысление агент-структурных отношений в русле политической теории с привлечением категориального аппарата естественонаучных дисциплин. Так, выстраивая рассуждения вокруг проблемы соотношения части и целого, авторский коллектив констатирует назревшую необходимость «отхода от бинарной логики в применяемых моделях и более откровенное обсуждение вопросов политической и социально-психологической онтологии» [Алексеева и др., 2017: 22]. Основанием для этого может служить вариативность агент-структурных отношений «в эволюционных, неравновесных, открытых и саморазвивающихся системах», которая приводит к тому, «что упорядоченность, структурность, закономерность так же объективны, как неопределенность, стохастичность, альтернативность» [Алексеева, 2017: 37].

Другой – в определенном смысле, более романтический – взгляд на майские демонстрации определяет последние как момент истины и пример выхода за границы структурализма. При этом большинство тепло симпатизирующих «мечтателям» сосредоточились на политико-психологических аспектах произошедшего. Основными категориями анализа в данном случае традиционно выступают незаметно и неумолимо проникающее в большинство сфер жизни индивида отчуждение, а также массовое общество, объединяющее в себе стандартизированный набор практик гиперболизированного потребления. Иными словами, попытка вернуть в политическую науку и социальную философию человека как субъекта привела к постановке однозначно радикального диагноза: развитое индустриальное общество – это пространство личной несвободы, компенсируемой внешним изобилием иллюзорных благ и возможностей. Осмысление возможности выбраться из клетки отчуждения сформировало в среде общественников разные взгляды на стратегию «броска-к-Реальному» [Жижек, 2008]. Общим в них, пожалуй, можно считать недвусмысленно ощущаемое желание нащупать слабые стороны системы, которые в конечном счете сыграют против нее. Удачно аккумулируя опыт этого поиска, С. Жижек отмечает три компонента, частично имевших место в ходе «Красного мая» и получивших развитие в 1970-х гг.: эксперименты с крайними формами сексуального удовлетворения, обращение к собственному внутреннему миру, прежде всего, за счет увлечения восточными практиками самопознания, а также всплеск прямого насилия.

Что касается первого компонента, как уже отмечалось выше, «статус тела есть факт культуры», а «способ организации отношения к телу отражает способ организации отношения к вещам и социальные отношения» [Бодрийяр, 2006: 168]. В этом смысле тестирование границ принципов собственности применительно к телу и соответствующему набору ритуалов и социальных практик, связанных с телом, позволяет говорить о разрыве шаблонного для общества потребления отношения. Действительно, идеология «свободы нравов» первой приходит на ум и выглядит очень органичной с точки зрения студента, отчаянно ищущего путь к тому, чтобы избавиться от бремени повседневности. По сути, это можно расценить как недвусмысленный протест тела, который выражается не только на уровне дискурса или знаковой системы, но проникает в естество человека, становясь частью его физического «Я». Протест, который имеет мало общего с пресыщенностью Рима; протест, в основе которого понимание границ приемлемого и осознанное балансирование вокруг этих границ. Достаточно простое и изящное решение для того, чтобы, прежде всего, продемонстрировать самому себе собственную субъектность в ситуации, когда она не выглядит столь очевидной. Выражаясь метафорически, это можно назвать некой «программной распущенностью», отличной от конвенциональных форм

удовлетворения (которые, в принципе, могут не одобряться в обществе, но оставаться при этом допустимыми).

Второй, обозначенный выше важный компонент – использование в качестве инструмента протеста прямого насилия. Можно сказать, что это вариация фрейдовского противоборства Эроса и Танатоса в его абсолютном выражении – не оставшаяся на страницах «Недовольства культурой», но воплощенная в реальное политическое действие. В данном случае примечателен конкретный, точечный и опять-таки «программный» характер насилия.

Наконец, увлечение самопознанием и обращение к мистицизму. Путь очень изящный; действительно, какое дело мечтателю до жестокой, ориентированной на потребление системы, логика которой вынуждает ежедневно доказывать себе и окружающим собственную состоятельность, находясь в замкнутом круге, когда существует возможность избежать этого столкновения, творя собственный мир. Однако за внешней гармонией бесконфликтного отношения с самим собой и окружающей действительностью сложно не разглядеть инфантильно-эскапистские мотивы, которые не способствуют формированию политической культуры участия и соответствующего взаимодействия с социально-политической реальностью.

Так что же в итоге произошло в мае 1968 года, и как стоит осмыслять произошедшее – если вообще стоит – спустя полвека? Стихийная – но не выходящая за рамки логики общественного развития – вспышка деструкции и сопряженного с ней креатива или образец реального вызова тотальному господству либерального капитализма? Можем ли мы ожидать повторения парижских баррикад в их полноте где бы то ни было, и, если можем, то хватит ли общественным наукам в их текущем состоянии объяснительных и прогностических возможностей их предвидеть? Однозначного ответа нет, и вряд ли стоит ожидать его появления в ближайшее время. Наверняка можно сказать одно: пример «мечтателей» вдохновил и вдохновляет не одно поколение молодых людей на поиск места в ошутимо обезличенной системе социальных отношений, а общественникам позволяет рассуждать о природе агент-структурных отношений и возможностях полноценной реализации потенциала личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 30–41. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41.
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Квантовая» теория принятия решений в политической науке // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 22–32.
- Арзаканян М. Великий де Голль: «Франция – это я!». М.: Яуза; ЭКСМО, 2012.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006.
- Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. Д. Дамте. М.: РИПОЛ классик, 2017.
- Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. Социология контркультуры (инфантилизм как тип мирозерцания и социальная болезнь). М.: Наука, 1980.
- Дойл К. Месяц революции (уроки Всеобщей забастовки). М.; СПб.: Рабочая демократия, 1993.
- Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. М.: Территория будущего, 2010.
- Жижек С. В 1968-м структуры впервые вышли на улицы. Сделают ли они это снова? // Русский журнал. 2008. 23 июня. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/V-1968-m-strukturny-vpervye-vyshli-na-ulicy.-Sdelayut-li-oni-eto-snova/> (дата обращения: 02.08.2018).
- Жижек С. Размышления в красном цвете. Коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Европа, 2011.
- Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М.: REFL-book, 1994.
- Миллер Д. Страсти Мишеля Фуко. М.: Кабинетный ученый, 2012.
- Посконин В.С. Французская публицистика и историография «красного мая» 1968 г. М.: МГУ, 1982.
- Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.): Монография. Иркутск: ИГТУ, 2006.

Худавердян В.Ц. Современные альтернативные движения: (молодежь Запада и «новый» иррационализм). М.: Мысль, 1986.

Статья поступила: 03.08.18. Финальная версия: 08.01.19. Принята к публикации: 15.08.19.

MAY 1968 EVENTS: SOME EFFECTS HALF A CENTURY LATER

ANANYEV B.I.

Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Russia

Boris I. ANANYEV, lecturer, Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Moscow, Russia (ananyevboris92@gmail.com).

Abstract. The article is dedicated to the protest actions that took place in 1968 in Paris. Initially the strike comprised radical students' groups; however, the French labor movement rapidly joined the protesters provoking de Gaulle's resignation. The author primarily examines May events from the prospective of social philosophy and cultural studies, adding the issues from sociology, political psychology and a number of other disciplines. Thinking of 1968 events, the author takes into account current tendencies in the development of socio-political thought and poses a number of questions that make it possible to analyze the protests actions in terms of broad theoretical framework. What was the reason for the rapid consolidation of the initially politically antagonistic student and labor movements in France? What does the reflection of the 1968 in art show us?

Keywords: political sociology, agency-structure debate, social philosophy, the new left, 'Red May' of 1968.

REFERENCES

- Alekseeva T.A. (2017) Theory of International Relations in the Mirrors of 'Scientific Pictures of the World': What's Next? *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics]. Vol. 8. No. 4: 30–41. (In Russ.). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41.
- Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarev I.D. (2017) 'Quantum-like' Theory of Decision Making in Political Science. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 22–32. (In Russ.)
- Arzakanyan M. (2012) *The Great de Gaulle: «France is me!»*. Moscow: Yauza; EKSMO. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2006) *The Consumer Society*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2017) *Fatal Strategies*. Transl. from fr. by A. Kachalov; scientific ed. by D. Damte. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.)
- Davydov Y.N., Rodnyanskaya I.B. (1980) *Sociology of Counter-Culture (Infantilism as the Type of Attitude and Social Disease)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Dojl K. (1993) *Month of the Revolution (Lessons from the General Strike)*. Moscow; St. Peptersburg: Rabochaya demokratiya. (In Russ.)
- Dyakov A.V. (2010) *Jacques Lacan. The Figure of the Philosopher*. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russ.)
- Khudaverdyan V.C. (1986) *Modern Alternative Movements: (the Youth of the West and the 'New' Irrationalism)*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Marcuse H. (1994) *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Moscow: REFL-book (In Russ.)
- Miller J. (2012) *The Passion of Michel Foucault*. Moscow: Kabinetnyj uchenyj. (In Russ.)
- Poskonin V.S. (1982) *The French Republic and Historiography of the 'Red May'*. Moscow: MGU. (In Russ.)
- Sidorov A.N. (2006) *Jean-Paul Sartre and Libertarian Socialism in France (50–70s of the XXth Century)*: Monograph. Irkutsk: IGTU. (In Russ.)
- Zizek S. (2008) The First Time Structures Manifested Themselves in 1968. Will They Do It Again? *Russkiy Zhurnal*. 23 June. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/V-1968-m-strukturny-vpervye-vyshli-na-ulicy.-Sdelayut-li-oni-eto-snova> (accessed 02.08.2018).
- Zizek S. (2011) *Red-colored Thoughts. Communist View on the Crisis and Related Issues*. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Received: 03.08.18. Final version: 08.01.19. Accepted: 15.08.19.